

Комментарий к постановлению Европейского Суда по правам человека по делу «Мозли против Соединённого Королевства»

Эвелина Тылец*

Автор комментирует постановление, вынесенное Европейским Судом по правам человека по делу «Мозли против Соединённого Королевства», в котором Суд не согласился с мнением заявителя о том, что из положений статьи 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни) вытекает обязанность государств-участников ввести законодательное требование, запрещающее средствам массовой информации публиковать материалы, касающиеся частной жизни без предварительного уведомления заинтересованных лиц. Автор приходит к выводу о том, что постановление вносит существенный вклад в продолжающуюся дискуссию о правомерности введения мер, ограничивающих сферу применения статьи 10 Конвенции (свобода выражения мнения) с целью защиты ценностей неприкосновенности частной жизни.

→ *Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, право на уважение частной и семейной жизни, неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнения, «охлаждающее» воздействие*

Введение

Постановление по делу «Мозли против Соединённого Королевства» было вынесено Европейским Судом по правам человека (*далее* — Европейский Суд, Суд) 10 мая 2011 года. Данное дело касалось вопросов, связанных с конфликтом прав, предусмотренных положениями статей 8 и 10 Конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950 года (*далее* — Конвенция), а также требования заявителя о введении в законодательство Великобритании требования об обязательном предварительном уведомлении лица о готовящейся публикации, затрагива-

ющей его частную жизнь. В своём решении Европейский Суд в основном сосредоточился на потенциальном «охлаждающем» воздействии, которое подобные меры окажут на свободу слова, оставив при этом в стороне социальные последствия публикации, содержащей сведения порочащего характера. Современный принцип «удостойтесь публикации и проклятий» («*be published and be damned*»)¹, таким образом, одержал верх над правом на частную жизнь, что должно было послужить цели защиты свободы слова, а также оказать влияние на инструменты реализации этой свободы — журналистские расследования и право на свободу полити-

* Ewelina Tylec — магистр права прав человека, Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия) (e-mail: ewelina.tylec@gmail.com). Перевод с англ.яз. выполнен Е. Бурмицкой.

¹ Это игра слов, которая может быть непонятна русскоязычному читателю. Связана со словами, приписываемыми Артуру Уэлсли Веллингтону, которые он сказал в ответ на угрозу опубликовать подробности его частной жизни: «Публикуйте и будьте прокляты!» (*Publish and be damned!*) (примеч. ред.).

ческой дискуссии в средствах массовой информации.

В настоящей статье приведён подробный анализ аргументации Страсбургского Суда, охватывающий наиболее важные доводы и идеи, содержащиеся в решении. Однако статья не ограничивается лишь изучением окончательного решения, вынесенного по данному делу Европейским Судом, но также охватывает и аргументацию Высокого Суда Великобритании, которая в данном случае является важной отправной точкой для исследования, посвящённого проблемам надлежащей реализации средствами массовой информации свободы выражения мнений. В комментарии представлена аргументация Европейского Суда в отношении трёх основных элементов, положенных в основание решения Суда, а именно, пределы свободы усмотрения государства, ясность норм, предусматривающих требование о предварительном уведомлении, а также их потенциальная эффективность, и, наконец, возможное «охлаждающее» влияние на свободу слова. Помимо аргументации Европейского Суда, направленной на установление баланса между защищаемыми Конвенцией интересами, в статье анализируется то, какое влияние на решение Суда оказали факторы, находящиеся за пределами обстоятельств конкретного дела, равно как и необходимость более широкой оценки потенциальных последствий решения по данному делу.

1. Обстоятельства дела и судебные решения на национальном уровне

В 2008 году в Европейский Суд поступило заявление Макса Мозли против Соединённого Королевства. Заявитель, британский поданный, ранее занимавший пост руководителя гонок «Формула-1», утверждал, что он был представлен в статье, опубликованной 30 марта 2008 года воскресной газетой «*Ньюс оф де уорлд*» (*News of the World*), как лицо, участвовавшее в садомазохистских сексуальных актах. Газета опубликовала на своей первой странице статью под следующим заголовком: «*Босс “Формулы-1” при-*

нял участие в отвратительной нацистской оргии с пятью проститутками». Статья, опубликованная газетой, включала фотографии, полученные из материалов видеосъемки, сделанной тайно одной из участниц сексуальной игры, которой за сбор соответствующих материалов было уплачено денежное вознаграждение. Как фотографии, так и видеоматериалы, были размещены на веб-сайте, принадлежащем газете, откуда они распространились также и на другие веб-ресурсы в сети Интернет. Статья начиналась предложением: «*Руководитель гонок “Формула-1” Макс Мозли сегодня проявил себя как скрытый сексуальный извращенец — садомазохист*» и предлагала читателям просмотреть видео, доступное на веб-сайте газеты².

После того, как редактору газеты была направлена подготовленная юристом заявителя жалоба, видеосюжет был добровольно удален с веб-сайта; кроме того, заявителю было дано обещание не публиковать его повторно без предварительного 24-часового предупреждения. К моменту удаления материалов с сайта видео было просмотрено в режиме он-лайн более миллиона раз, а Интернет-версия, равно как и бумажная версия статьи, были прочитаны более чем тремя миллионами читателей³.

Заявитель подал иск против собственника газеты «*Ньюс Груп Ньюспейперс Лимитед*» (*News Group Newspapers Limited*), требуя возмещения причинённого вреда в связи с распространением конфиденциальной информации и вторжением в частную жизнь. При этом он не оспаривал сам факт своего участия в сексуальной игре, но настаивал на том, что последняя была необоснованно охарактеризована в статье как ролевая игра, связанная с нацистской тематикой. Он также ходатайствовал о промежуточном судебном запрете, который заставил бы газету воздержаться от повторной публикации видеосюжета на веб-сайте. Правовые меры, принятые заявителем, не помешали газете на следующий месяц опубликовать вторую серию статей о его сексуальной жизни⁴. Высокий Суд в лице судьи Дейвида Иди решил, что дело

² European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Mosley v. the United Kingdom*. Application No. 48009/08. Judgment of 10 May 2011. § 9.

³ *Ibid.* § 10–11.

⁴ *Ibid.* § 12–13.

утратило свой частный характер в результате широкой огласки, которую оно получило как в печатных СМИ, так и в сети Интернет. По этой причине Высокий Суд отказал заявителю в удовлетворении его требования о судебном запрете⁵. Устанавливая баланс между правом на уважение частной жизни (закрепленным в ст. 8 Конвенции) и правом на свободу выражения мнений (ст. 10 Конвенции), судья Иди указал на то, что ни одно из конвенционных прав не имеет преимуществ перед другими. Таким образом, в случае возникновения конфликта между конвенционными правами их сравнительная значимость должна оцениваться судом в контексте каждого индивидуального дела. Проводя такую оценку, Высокий Суд должен принять во внимание основания для вмешательства в осуществление каждого из прав, или же их ограничения. И, наконец, в отношении каждого права необходимо применить критерий пропорциональности⁶.

В соответствии с аргументацией Высокого Суда, конфликт прав должен был быть изучен в свете обстоятельств, которые последовали за публикацией статьи. Только после такого исследования было возможно решить, мог ли заявитель иметь разумные ожидания приватности⁷. Судья Иди отметил, что публичный интерес в опубликовании материалов отсутствовал и что единственной целью придания данных событий огласке было предоставление публике возможности «повеселиться за счёт их участников»⁸. Тем не менее, последствия публикации данной истории были необратимы и уже привели к определённым результатам. При вынесении решения Высокий Суд также должен был принять во внимание разумность и эффективность судебного запрета в связи с тем, что в деле Мозли такой запрет не имел никакого смысла, поскольку материалы уже были просмотрены миллионами пользователей и читателей. Более того, они были доступны на дру-

гих веб-сайтах, и кто угодно мог легко найти информацию, ранее опубликованную газетой. Однако поскольку установление контроля за всем пространством сети Интернет было невозможно, а Высокий Суд не может принимать какие-либо меры, которые могли бы быть охарактеризованы как *brutum fulmen*⁹ (пустые угрозы), никакие меры, принятые судом, не смогли бы достигнуть каких-либо ощутимых результатов (помимо формальной защиты частной жизни). Судебный запрет, несмотря на его желательность для заявителя, не стал бы ничем иным, нежели бессмысленным жестом правосудия¹⁰. Соизмеряя конфликтующие права, судья Иди подчеркнул тот факт, что негативные последствия уже произошли, и, несмотря на то, что содержание сюжета носило порочащий характер и публикация не была связана с какими-либо законными интересами, Высокому Суду предлагалось вынести решение о применении мер, которые представляли бы собой не более, чем бессельный жест¹¹. Как бы то ни было, судья признал, что, в дальнейшей демонстрации данного сюжета на веб-сайте газеты публичный интерес отсутствовал.

Вскоре после вынесения решения по делу о судебном запрете¹² «Ньюс оф де уорлд» вновь опубликовал материалы на своём веб-сайте. На последовавших слушаниях дела в Высоком Суде редактор сообщил, что предшествовавшее удаление сюжета с сайта газеты было продиктовано опасениями по поводу промежуточного запретительного судебного приказа, который мог быть выдан Высоким Судом. Редактор подчеркнул, что опасения относительно возможности применения различных судебных мер составляют неотъемлемую часть деятельности прессы, имеющую место даже в демократических обществах¹³.

Интересное замечание было сделано во втором решении относительно вмешательства в личную жизнь¹⁴. Суд отметил, что решение по делу было вынесено в «обыденной» и

⁵ *Mosley v. the United Kingdom*. § 14.

⁶ *Ibid.* § 15.

⁷ *Ibid.* § 16.

⁸ *Ibid.* § 17.

⁹ Термин используется для описания «сотрясения воздуха», то есть бессмысленного действия.

¹⁰ *Mosley v. the United Kingdom*. § 18.

¹¹ *Ibid.*

¹² Решение Высокого Суда от 9 апреля 2008 года.

¹³ *Mosley v. the United Kingdom*. § 21.

¹⁴ Решение Высокого Суда от 24 июля 2008 года.

«снижательной» манере без достаточного изучения фактов и материалов в отношении их якобы нацистского характера. Материал, опубликованный газетой, не имел ничего общего с так называемой «ответственной журналистикой». Указание в нём на нацистские элементы и высмеивание жертв Холокоста не было основано на адекватном анализе полученных материалов или результатах дополнительных исследований¹⁵. Оценивая наличие публичного интереса в опубликовании данных материалов и разумность ожиданий заявителя в отношении приватности, судья Иди указал на то, что чёткое определение того, были ли лица, причастные к публикации, осведомлены о незаконности совершаемых ими действий, направленных на опубликование материалов, невозможно, так же, как и невозможно утверждать, что они относились безразлично к правовым аспектам данного поведения. Необходимо было разделить две проблемы: первая из них была связана с качеством журналистской деятельности «Ньюс оф де уорлд», в то время как вторая касалась осведомлённости о незаконном характере публикации (что в данном случае рассматривается как «истинное безразличие»). «Тактика», использованная издательством, была до определённой степени понятна: её целью было избежать вынесения промежуточного судебного решения, которое могло отложить публикацию. Когда материал уже опубликован, многие решают, что слишком поздно что-либо предпринимать, и, таким образом, потенциальные заявители просто откажутся от любых попыток инициировать судебные разбирательства¹⁶.

В итоге судья Иди признал, что право заявителя на уважение частной жизни было нарушено, и постановил выплатить заявителю обычную компенсацию вреда, отказав взыскать с ответчика убытки, имеющие характер наказания¹⁷. Высокий Суд указал на то, что функция устрашения не должна быть основ-

ной при назначении компенсации, и присуждение Мосли компенсации с целью наказания ответчика не столько послужило бы своей первоначальной цели, сколько привело бы к незаслуженному обогащению заявителя. Если бы с «Ньюс оф де уорлд» были взысканы убытки, имеющие характер наказания, они были бы не пропорционально суровы и могли бы оказать «охлаждающий» эффект на свободу выражения мнений¹⁸. Таким образом, вынося своё окончательное решение, судья Иди отметил:

«Как хорошо известно средствам массовой информации, ущерб нанесён в момент нарушения неприкосновенности частной жизни, и если истец обращается в суд, конфуз только усиливается. Как хорошо известно, Истцов, обладающих решимостью (и финансовыми ресурсами) г-на Мосли, чрезвычайно мало. Таким образом, если журналистам удаётся избежать промежуточного судебного запрета, они обычно могут расслабиться, рассчитывая на то, что придание огласке подробностей чьей-то сексуальной жизни не приведёт ни к каким негативным последствиям для них самих, и [...] что очередные новости не заставят себя долго ждать»¹⁹.

Суд также отметил, что судьи не могут «достичь недостижимого», то есть они не могут изменить природу вещей и компенсировать вред, нанесённый при нарушении неприкосновенности частной жизни, поскольку такой вред не может быть заглажен посредством финансовой компенсации. Следовательно, любые компенсации, которые могут быть присуждены пострадавшей стороне, могут только лишь обозначить факт того, что нарушение имело место²⁰. В связи с этим также встаёт и вопрос о сумме компенсации, которая не должна быть ни слишком высокой (поскольку это привело бы к нарушению принципа пропорциональности), ни слишком низкой, что могло бы быть истолковано как уменьшение значения вреда, причинённого стороне.

¹⁵ *Mosley v. the United Kingdom*. § 23.

¹⁶ Судья Иди сравнил порочащую публикацию с котом, выпущенным из мешка, [в попытке поймать которого. — Примеч. пер.], по мнению людей, мало пользы (*Mosley v. the United Kingdom*. § 24).

¹⁷ Речь идет о «punitive damages» — возмещении убытков, размер которых чрезвычайно высок. Название связано с тем, что в основе лежит не просто идея возмещения убытков, которые понес истец в результате незаконного действия ответчика, но наказание последнего, так сказать, рублем (*примеч. ред.*).

¹⁸ *Ibid.* § 26.

¹⁹ *Ibid.* § 27.

²⁰ *Ibid.* § 24.

После завершения рассмотрения дела заявителем национальными судами, результаты которого не удовлетворили заявителя полностью, так как он считал, что публикация разрушила его жизнь и что его могло бы удовлетворить только введение в правовую систему Великобритании норм об обязательном предварительном уведомлении о готовящейся публикации, заявитель обратился в Европейский Суд. В жалобе им были подняты вопросы, касающиеся содержания статьи 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни), и утверждалось, что статья налагает на государство позитивные обязательства по введению системы правовых норм о предварительном уведомлении о подготовке средством массовой информации публикаций, касающихся частной жизни. Решение Европейского Суда по этому вопросу было отрицательным. Заявитель также поднял вопросы, касающиеся сферы действия индивидуальных прав, предусмотренных статьёй 8, а именно, охватывает ли область применения данной статьи отношения между частными лицами. Суд пришёл к выводу о том, что Соединённое Королевство не нарушило своих позитивных обязательств, вытекающих из статьи 8 Конвенции. Аргументы, приведённые Европейским Судом в постановлении по делу, будут проанализированы далее.

2. Проблема обязательства государства по введению в правовую систему требования об обязательном предварительном уведомлении в связи с подготовкой публикаций, касающихся частной жизни

Аргументация Суда по вопросу требований, касающихся предварительного уведомления, основывалась на анализе трёх основных элементов: пределах свободы усмотрения государства, ясности и потенциальной эффективности таких требований, а также их возможного «охлаждающего» влияния на свободу слова. Такой детальный и структурированный подход является оправданным в свете особенностей предложенного ограничения свободы

слова, а именно его потенциального применения не только к случаям публикации «светских сплетен», что имело место в деле заявителя, но и к более серьёзным видам деятельности средств массовой информации — расследовательской журналистике, что предполагало необходимость внимательного исследования всех элементов при выработке решения по *делу Мосли*²¹.

2.1. Пределы свободы усмотрения государства

Государство наделено широкой свободой усмотрения в том, что касается вопросов применения статьи 8 Конвенции. Надлежащее применение этой статьи в контексте внутренних стандартов требует соотнесения конкурирующих прав и интересов, что исключает введение обязательства о предварительном уведомлении²².

Проблема, поставленная перед Европейским Судом в *деле Мосли*, касалась сферы применения статьи 8, которая, как полагал заявитель, включала обязательство государства по введению в законодательство Великобритании требования о предварительном уведомлении в связи с подготовкой средствами массовой информации публикаций, касающихся частной жизни. В соответствии с частью 1 статьи 8 Конвенции «каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции». Поднятый в деле вопрос касался объекта защиты этого права в контексте пределов усмотрения государства. Проблема выбора государством средств, с помощью которых оно обеспечивает реализацию требований статьи 8 Конвенции в делах о свободе слова (в связи с репутацией частных лиц) неоднократно поднималась в практике Европейского Суда²³. Однако вопрос, поднятый в *деле Мосли*, пролил новый свет на данную проблему, поскольку Суду было предложено решить, может ли защита права на неприкосновенность частной жизни распространиться так далеко, чтобы установить ограничения на свободу слова в форме введения обязательства о предварительном уведомлении.

²¹ *Mosley v. the United Kingdom*. § 121.

²² *Ibid.* § 122.

²³ См.: ECtHR. *Karakó v. Hungary*. Application No. 39311/05. Judgment of 28 April 2009; ECtHR. *Polanco Torres and Movilla Polanco v. Spain*. Application No. 34147/06. Judgment of 21 September 2009; ECtHR. *Chauvy and Others v. France*. Application No. 64916/01. Judgment of 29 June 2004.

Как Европейский Суд постановил в деле «*Karakó против Венгрии*»²⁴, репутация первоначально связывалась с проблемами финансовых интересов или социального статуса и защищалась законодательством о диффамации. Решающим элементом в делах о защите репутации является оценка личности, которая может привести к потере ею уважения со стороны общества²⁵. Как бы то ни было, лишь в некоторых случаях репутация рассматривалась как индивидуальное право²⁶. Необходимо провести различие между репутацией и неприкосновенностью личности, которая, в свою очередь, является неотъемлемым правом²⁷. Но может случиться и так, что ущерб, нанесённый репутации, был столь серьёзен, что мог бы повлечь нарушение неприкосновенности личности. В данном случае и масштаб воспроизведения информации (количество проданных газет, число просмотров видеозаписи), и форма её опубликования (печатная и электронная версии газеты) внесли свою лепту в распространение информации в тех масштабах, которые дали основание предполагать, что имело место нарушение неприкосновенности личности. Такие исключительные случаи могут привести нас к мысли о необходимости применения промежуточных мер правовой защиты. Как было отмечено судьёй Иди, несмотря на то, что ущерб репутации может быть восстановлен посредством присуждения возмещения убытков (восстановление до ранее имевшегося уровня), это невозможно сделать, когда порочащая информация уже была опубликована²⁸. Принимая во внимание необратимые последствия публичного распространения порочащей информации, встаёт вопрос о том, могут ли быть разработаны какие-либо предупредительные меры. Таким образом, анализ вопроса о возможности признания обязательства государства по введению в правовую систему требования о предварительном уведом-

лении в связи с подготовкой средствами массовой информации публикаций, касающихся частной жизни, представляется обоснованным и востребованным.

Пределы усмотрения, несмотря на то, что первоначально они довольно широки, должны быть сужены в случаях, когда имеет место серьёзное вмешательство в важный аспект идентичности личности²⁹. Такое вмешательство имеет место в делах, затрагивающих статью 8, когда речь идёт о наиболее интимных аспектах частной жизни человека³⁰. Как бы то ни было, в случаях конфликта прав, предусмотренных статьями 8 и 10 Конвенции, введение требования о предварительном уведомлении имело бы последствия, выходящие за пределы обстоятельств дела заявителя как такового³¹, и, следовательно, оказало бы общее негативное воздействие на свободу выражения мнений средствами массовой информации.

По вопросу о пределах усмотрения государства Европейский Суд постановил следующее. Несмотря на то, что в разных государствах существует большое разнообразие практических подходов к установлению баланса между вышеуказанными правами, представляется, что существует общая позиция, принятая по вопросу предварительного уведомления. Она заключается в отказе от введения каких-либо обязательств такого рода. Несмотря на то, что в некоторых европейских странах было введено требование о согласии лица на публикацию материалов, затрагивающих его частную жизнь, такая практика не может расцениваться в качестве убедительно свидетельствующей о необходимости её признания Судом. Принимая во внимание то, что Великобритания соблюдает стандарты, выработанные в рамках Совета Европы, пределы усмотрения в данном случае должны быть достаточно широкими³².

²⁴ *Karakó v. Hungary*. § 22.

²⁵ *Ibid.* § 23.

²⁶ См.: ECtHR. *Petrina v. Romania*. Application No. 78060/01. Judgment of 14 October 2008; ECtHR. *Armoniene v. Lithuania*. Application No. 36919/02. Judgment of 25 November 2008.

²⁷ *Karakó v. Hungary*. § 22.

²⁸ *Mosley v. the United Kingdom*. § 27.

²⁹ ECtHR. *Christine Goodwin v. the United Kingdom*. Application No. 28957/95. Judgment of 11 July 2001.

³⁰ *Mosley v. the United Kingdom*. § 109; ECtHR. *Dudgeon v. the United Kingdom*. Application No. 7525/76. Judgment of 22 October 1981; ECtHR. *A.D.T. v. the United Kingdom*. Application No. 35765/97. Judgment of 31 July 2000.

³¹ *Mosley v. the United Kingdom*. § 123.

³² *Ibid.* § 124.

2.2. Ясность, эффективность и «охлаждающее» воздействие

В данном деле термин «частная жизнь» также вызвал вопросы, связанные с принципом ясности. В соответствии с жалобой, поданной заявителем, обязанность по предварительному предупреждению должна возникать в тех случаях, когда затрагивается какой-либо аспект частной жизни. Таким образом, для информации, связанной с интимной и сексуальной жизнью, не предполагалось делать специального исключения. По мнению Европейского Суда, необходимости дальнейшего толкования данного термина нет, поскольку термин понятен газетам и репортёрам в достаточной мере для того, чтобы они могли определять, что является частной жизнью и принимать соответствующие решения. Несмотря на то, что практика, существующая в этой области в разных странах, все ещё страдает определёнными недостатками (например, в случаях с фотографиями, на которых представлены группы людей), некоторые недостающие элементы просто следует включить в Кодексы редакторской деятельности, действующие в соответствующих государствах³³.

Даже после анализа данного дела Европейский Суд не был убеждён в том, что если бы требование о предварительном уведомлении было введено в правовую систему Великобритании, газета — ответчик приняла бы решение уведомить заявителя надлежащим образом, полагаясь на наличие общественного интереса в качестве обоснования для публикации материала³⁴. Таким образом, по причине отсутствия каких-либо чётких стандартов в данной области, требование о предварительном уведомлении не может расцениваться как безусловно эффективное средство.

Более того, в связи с данным требованием возникают два обоснованных опасения. Во-первых, поскольку по отношению к любому подобному требованию об уведомлении должно быть сделано исключение, связанное

с наличием публичного интереса, может возникнуть угроза значительного «охлаждающего воздействия» на свободу слова. Поэтому, для принятия решения о возможности предварительного уведомления важно иметь твёрдое убеждение о том, что публичный интерес в конкретной ситуации столь значим, что исключает необходимость предварительного уведомления (даже если позднее будет установлено, что общественный интерес отсутствовал)³⁵, либо, что в данном случае неприкосновенность частной жизни человека перевешивает «общественный интерес». В этой связи возникает проблема содержания понятия «общественный интерес». Ограничительное толкование этого понятия могло бы усилить «охлаждающий эффект» любого требования об уведомлении³⁶.

Второе опасение связано с суровостью санкций, применяемых за неисполнение данного требования. Как указал Европейский Суд, эффективность требования о предварительном уведомлении во всех случаях будет зависеть от серьёзности санкций, которые могут быть установлены за его несоблюдение³⁷. Природа таких санкций также играет решающую роль. Административные или гражданско-правовые меры ответственности в виде штрафов едва ли смогут заставить средства массовой информации отказаться от публикации порочащей информации. Так же, как это произошло с «Ньюс оф де уорлд», любой другой издатель может принять решение взять на себя риск и опубликовать информацию, которая способна принести ему прибыль, значительно превышающую сумму штрафа, назначенного в судебном порядке³⁸. Таким образом, в будущем газета скорее примет на себя риск, связанный с возможным *ex post facto* штрафом, чем примет решение о предварительном уведомлении³⁹.

При этом штрафы или уголовно-правовые санкции, которые могли бы быть действительно эффективным стимулом к соблюдению требования о предварительном уведомлении, рискуют оказаться несовместимыми с

³³ *Mosley v. the United Kingdom*. § 125.

³⁴ *Ibid.* § 127.

³⁵ *Ibid.* § 126.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.* § 128.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Ibid.*

требованиями статьи 10 Конвенции. Установление таких жёстких ограничений может способствовать появлению предварительной цензуры⁴⁰. Введение системы предварительного уведомления может способствовать «охлаждающему эффекту», в особенности, в таких сферах, как политическая и расследовательская журналистика, которые находят ся под особой защитой Конвенции⁴¹.

Заключение

Несмотря на то, что в *деле Мозли* действия газеты вызывают серьёзную критику (главным образом по причине того, что информация, порочащая заявителя, была опубликована не только на бумажном носителе, но также распространялась в форме видеосюжета и электронной статьи), Европейский Суд был вынужден выйти за пределы обстоятельств данного дела и проанализировать возможные отдалённые последствия введения требования о предварительном уведомлении⁴². Часть 2 статьи 10 Конвенции содержит закрытый перечень возможных оснований для ограничения свободы средств массовой информации, когда речь идёт о вопросах, связанных с публичным интересом. Приняв во внимание также широкую свободу усмотрения государств в данной области, Суд пришёл к выводу о том, что статья 8 не предполагает позитивного обязательства государств по введению в правовую систему требования о предварительном уведомлении в связи с подготовкой публикаций, касающихся частной жизни.

Дело «*Мозли против Соединённого Королевства*» имеет большое значение также потому, что в рамках принятого по нему решения Европейский Суд развил концепцию «лица, находящегося под пристальным вниманием публики», жизнь которого стано-

вится чрезвычайно прибыльным ресурсом для средств массовой информации определённого рода⁴³. Поскольку публикация подобной информации служит скорее целям развлечения, нежели просвещения, защита, предоставляемая статьёй 10 Конвенции, должна уступить главенствующую роль статье 8 Конвенции, защищающей право на уважение частной жизни. Как бы то ни было, данная область должна регулироваться, главным образом, соответствующими национальными властями⁴⁴.

Таким образом, Европейский Суд единогласно постановил о том, что статья 8 Конвенции не требует того, чтобы государства вводили какие-либо предупредительные меры. Такое решение Суда было поддержано рядом инициативных групп, выступивших за защиту свободы слова, которые настаивали на том, что введение требования о предварительном уведомлении будет представлять «серьёзное посягательство» на свободу выражения мнения и затруднит возможность публикации информации о результатах исследований и кампаний, проведённых неправительственными организациями⁴⁵.

Учитывая появление в последнее время целой серии судебных дел, в которых известные люди выступили с требованиями о защите их права на уважение частной жизни (ст. 8 Конвенции), а также проблемы соотношения этого права с правом на свободу выражения мнения, закреплённым в статье 10, решение Суда представляется весьма актуальным. Оно является значимым в контексте продолжающейся дискуссии о правомерности введения мер, ограничивающих сферу применения статьи 10 Конвенции с целью защиты ценностей, которые охватываются положением Конвенции о неприкосновенности частной жизни.

⁴⁰ *Mosley v. the United Kingdom*. § 129.

⁴¹ *Ibid.* § 129.

⁴² *Ibid.* § 132.

⁴³ *Ibid.* § 131.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ К таким организациям, выступившим в качестве «друзей суда», относятся: «Инициатива правовой защиты прессы», благотворительная организация «Индекс он Сензоршип», Международная ассоциация медиа-юристов, Совет европейских издателей, Центр защиты прав средств массовой информации, Румынский хельсинкский комитет, Болгарский фонд «Программа доступа к информации», Ресурсный центр медиа-права и организация «Глобал Уитнесс».